

Янь Жунъи, ничуть не заботясь о сохранности собственной шкуры, чесал языком без остановки:

— Даже как-то неловко... Ты ведь меч Чэнъин и пальцем никогда не трогал, да?

Пауза.

— Ну да ладно, так и быть! По знакомству разрешу разок прикоснуться.

Пальцы Бай Шуана, сцепленные в заклятие меча, дрожали от едва сдерживаемого бешенства. К счастью, в этот самый миг к ним поспешил Ваншуй:

— Брат Янь.

Ваншуй уже успел услышать от Фуси, что Почтенный Чэнъин передал свой меч Янь Жунъи, а потому не проявил особого удивления при виде клинка.

— Брат, — Бай Шуан спешно убрал руки за спину, мигом возвращая себе покорный вид, и согнал с лица остатки раздражения.

Замерший перед ними Ваншуй в белоснежных одеждах мягко похлопал Бай Шуана по плечу:

— Что же вы так рано? Ученики нового набора спустятся с горы только вечером, и нам придётся ждать заката вместе с ними.

— Я хотел посмотреть на твоё состязание, брат, — честно признался Бай Шуан, а затем исподтишка пнул Янь Жунъи носком сапога.

— А? — Янь Жунъи от неожиданности подался вперёд и, встретившись с тёплым, искрящимся улыбкой взглядом Ваншуя, закивал. — Да-да, именно! Я тоже хотел посмотреть.

— Ладно, — с добродушным вздохом откликнулся Ваншуй. — Тогда пойдёмте на арену вместе. Как раз представлю вас дяде.

Янь Жунъи помнил, как на Утёсе Размышлений Бай Шуан выманил Ваншуя под предлогом того, что «дядя вышел из медитации». Как оказалось, это была вовсе не ложь.

— Мой учитель рано ушёл из жизни, так что именно дядя вырастил меня, — заметил Ваншуй, поймав замешательство на лице Янь Жунъи, и беззлобно поддел его: — Но, полагаю, наш старший брат Янь вот-вот снова потеряет память? Лучше я объясню всё заранее, дабы не гневать дядюшку.

Бай Шуан сдавленно фыркнул.

Янь Жунъи лишь смущённо усмехнулся.

Пошутив, Ваншуй обеспокоенно оглядел клинок Чэнъин в руках старшего брата.

Бай Шуан всё понял без слов:

— Меч Чэнъин слишком бросается в глаза.

Ещё бы! Главная реликвия лучшего мечника Поднебесной с самого основания школы Гор Фушань покоилась в Главном зале, служа ядром защитного массива. Кроме учеников школы, прочие заклинатели куда чаще встречали самого Почтенного Чэнъина, чем его духовный клинок.

Янь Жунъи и сам признавал, что появляться с таким сокровищем на даосской арене Тайцзи — безумие. Благодаря стараниям предыдущих «попаданцев» его тело буквально выжимало максимум ненависти из окружающих. Если к этому добавить легендарный меч... Даже адепты родной школы в порыве праведного гнева разорвут его на части.

Ваншуй и Бай Шуан оказались перед неразрешимой дилеммой. Обычные заклинатели дорожат своим духовным оружием пуще глаза — его не то что кому-то одолжить, даже извлекать без нужды не станут. На всём белом свете только Почтенный Чэнъин мог сначала водрузить свой меч в качестве узла формации, а затем с лёгкой руки швырнуть его ученику.

— Может... обернуть его во что-нибудь? — скрепя сердце предложил Бай Шуан. — Чтобы не так сильно привлекал внимание.

Ваншуй заколебался:

— Но ведь это меч Учителя...

Иными словами, скрывать подобное оружие — проявлять неуважение к Преподобному.

— Ладно! Если Учитель станет прогневан, я возьму вину на себя, — стиснув зубы, Бай Шуан вытащил из пространственной сумки отрез невесомой белой ткани. — Это Полотно Лунной Тени. Я купил его у торговцев из народа русалок, когда спускался с горы.

Однако, достав ткань, Бай Шуан замер. Осквернить святыню? Скрыть сияние клинка лучшего мечника мира? Рука просто не поднималась.

Ваншуй испытывал то же смятение.

Что же до Янь Жунъи... Видя колебания младших братьев, он и подавно не смел предложить свою помощь.

Пока они в замешательстве переглядывались, к ним подлетел Фуси.

Птица Чунмин опустилась на плечо Ваншуя и уставилась на клинок Чэнъин. Судя по всему, пернатый наконец смирился с неизбежным — хоть он и тяжело, часто дышал, но в обморок больше не падал.

— Что вы тут вытворяете? — поинтересовался Фуси.

— Я собираюсь отвести брата Яня и Бай Шуана к дяде, — ответил Ваншуй.

— Дельное дело, — важно кивнул Фуси. — Как раз скоро начнётся следующий поединок, поглядим вместе.

— Но брат Янь не может идти в таком виде, — Ваншуй бессильно потёр лоб. — Меч Чэнъин привлекает слишком много внимания.

Фуси перевёл взгляд с Янь Жунъи на Полотно Лунной Тени в руках Бай Шуана. Наконец, заливаясь горькими слёзами, птица с бранью подхватила клювом край ткани и принялась самолично пеленать клинок.

— Спасибо, — от чистого сердца (хоть и совершенно бездушно) сказал Янь Жунъи.

— Пошёл прочь! — Фуси сжался в комок на плече Ваншуя, вид у него был беспросветно удручённый.

— Постой, — когда меч был упакован, Ваншуй вновь заступил путь Янь Жунъи. — Брат, давай я прикрою узор у тебя на руке.

Янь Жунъи опустил взгляд туда, куда смотрел младший братец: на тыльной стороне правой кисти всё так же пылал соблазнительный, алый, точно налитый кровью лотос.

Метка, оставшаяся после того, как «Стратегическое руководство» впечаталось в его духовное сознание.

И главное неопровержимое доказательство его «падения в демонический путь».

— Хорошо, — не найдя причин для отказа, Янь Жунъи протянул руку.

Взяв оставшийся лоскут Полотна Лунной Тени, Ваншуй аккуратно и заботливо обернул кисть Янь Жунъи:

— Ну как?

— Благодарю за заботу, — Янь Жунъи пошевелил пальцами, выражая признательность, но едва произнёс эти слова, как по спине пробежал ледяной холодок.

Опомнившись, он замер.

«Деревяшка Бай» ведь тайно влюблён в Ваншуя!

Спешно, под предлогом изучения спрятанного меча, Янь Жунъи отступил на шаг, делая вид, что полностью погружён в свои мысли.

Бай Шуан, удовлетворённый этим манёвром, лишь слегка хмыкнул и вновь принял покорный вид перед Ваншуем:

— Брат, нам стоит поторопиться. Тебе ведь ещё предстоит поединок.

— Не к спеху, — Ваншуй погладил Фуси по маленькой головке и, видя, насколько глубоко птица погружена в печаль, убрал руку. — Результаты жеребьёвки ещё не объявили.

Правила состязаний на Великом ритуале открытых дверей были просты: участники вытягивали жребий, и те, кому доставались одинаковые номера, сходились в следующем бою. Результаты каждого тура вывешивали за палочку благовоний до начала схватки.

— Брат уже одержал три победы подряд, — намеренно громко произнёс Бай Шуан, обращаясь к лишившемуся духовных сил Янь Жунъи. — На арене осталось всего десять человек.

— Впечатляюще, весьма впечатляюще, — Янь Жунъи прижал меч Чэнъин локтем и искренне похлопал в ладоши.

Бай Шуан, обрадованный наличием слушателя, не удержался:

— А знаешь ли ты, что за первые три поединка ни один соперник не смог выдержать и десяти взмахов меча брата Ваншуя?

— Не знал.

— Фырк! Ну так теперь знаешь!

Янь Жунъи заметил, как у идущего впереди Ваншуя покраснели кончики ушей, и еле сдержал улыбку:

— А если сравнивать тебя и брата Ваншуя?

Бай Шуан опешил, и густой румянец залил его щёки. Как ни крути, юность берёт своё — говорить о собственных успехах ему было неловко.

— Бай Шуан тоже очень силён, — вмешался Ваншуй, выручая младшего. — Если бы ему не попался брат Ло Юй...

— Брат, не поминай его! — при этих словах Бай Шуан вздрогнул. В его ладони мгновенно возник серебряный меч, а вокруг закружились сгустки истинного пламени. — В следующий раз... Если при жеребьёвке мне снова достанется он, я точно не проиграю так позорно!

Оказывается, Бай Шуан уступил Ло Юю.

Янь Жунъи бросил на младшего брата удивлённый взгляд. Вытащить из тысячи участников главного героя новеллы — это везение или проклятие?

Впрочем, дело вовсе не в удаче. Никому не под силу одолеть Главного Героя — таков непреложный закон этого мира.

Янь Жунъи, исполнявший роль главного злодея, спокойно отвёл взор. Не разобравшись до конца в том, что успели натворить предшествовавшие ему восемь «попаданцев», он не намеревался бездумно искать встречи с Ло Юем.

Чем ближе они подходили к даосской арене Тайцзи, тем гуще становилась толпа заклинателей.

Янь Жунъи, успевший «прославиться» во время ритуала открытия дверей, привлекал взгляды, где бы ни появился. Многие заклинатели даже не пытались скрыть своего отвращения — они предпочитали подняться на артефактах в воздух и парить над ареной, лишь бы не шагать по одной дороге с этим павшим адептом.

— Надень маску, — внезапно предложил Ваншуй.

Бай Шуан сразу понял замысел брата и тихо подхватил:

— Верно. Если мы предстанем в облике Защитников Закона, ни один участник не посмеет жульничать под нашим надзором.

С этими словами он уже прижал маску к лицу.

— Брат Янь, тебе тоже стоит надеть, — Ваншуй извлёк из пространственной сумки две серебряные маски, одна из которых принадлежала Янь Жунъи.

— Откуда у тебя моя...

— Учитель отдал её мне вчера, — Ваншуй мягко улыбнулся и с тихим вздохом добавил: — Он сказал, что если вручит её тебе лично, то не сдержится и запретит спускаться с горы.

Янь Жунъи замер.

Вспомнив недавние виденья из чужой памяти, он неловко принял серебряный лик и закрепил его на лице.

Просторная арена Тайцзи гудела, точно растревоженный улей. Если во время церемонии открытия фракции сохраняли видимость приличий, то теперь даже монахи из храма Наньчжаоти закатали рукава и, перебирая чётки, надрывали глотки, поддерживая своих собратьев.

В самом центре даосской арены, внутри мерцающего мечевого массива, две тени с бешеной скоростью сходились в смертельном танце.

Формация сдерживала основной шквал духовных волн, но даже ничтожных крупниц силы, вырывавшихся наружу, хватало, чтобы у Янь Жунъи подступил к горлу кровавый ком.

Его тело было слишком, катастрофически слабо.

Сжав зубы, Янь Жунъи едва заметно нахмурился. Не желая, чтобы Ваншуй или Бай Шуан заметили его слабость, он молча проглотил солоноватую кровь.

Только сейчас он по-настоящему осознал, почему при словах «утратил культивацию» окружающие смотрели на него с такой смесью презрения и жалости.

Каково это — стоя на самой вершине среди молодого поколения, в одно мгновение превратиться в калеку, беспомощнее любого смертного? Кто смог бы смириться с подобным?

Янь Жунъи был чужаком в этом мире. Видя людей, способных рассекать небеса и двигать горы,

он испытывал лишь жгучую зависть.

Но что чувствовал настоящий хозяин этого тела? Истинный старший ученик школы Гор Фушань, наставляемый самим Почтенным Чэнъином... Настоящий Янь Жунъи, должно быть, умер от разрыва сердца и бессильной ярости.

Он крепче сжал клинок Чэнъин, скрытый под Полотном Лунной Тени.

Ну и пусть «Янь Жунъи» отведено место злодея. Теперь это его тело и его жизнь.

И даже если весь мир станет насмехаться над ним — он всё равно выживет.

— Брат Янь, за мной, — окликнул его Ваншуй.

Очнувшись от мыслей, Янь Жунъи поспешил следом.

Благодаря маскам Защитников Закона толпа расступалась, уступая им дорогу с подчёркнутым почтением. Впрочем, даже за серебряными ликами заклинатели легко узнавали Ваншуя и Бай Шуана: у одного на плече восседала птица Чунмин, вокруг другого непрерывно вились две ледяные капли истинного пламени.

Что же до спутника, шедшего за ними...

Лицо скрыто, из рукава свисает белоснежная ткань, в руках — странный свёрток. И хотя на нём алые одежды, никто не смел утверждать, что это Янь Жунъи.

Алые одежды и меч — таков был узнаваемый образ сильнейшего адепта. Но Янь Жунъи лишён сил, у него не могло быть оружия. К тому же в умах людей имя Янь Жунъи ассоциировалось лишь с предательством, сговором с демонами и подлостью. Каждый, кто вспоминал о нём, испытывал лишь отвращение, видя перед собой лишь коварного и злобного выродка.

Однако мечник, шагавший за Ваншум и Бай Шуаном, обладал статной, высокой фигурой, а его взгляд — холодный, хищный и острый, словно вытащенный из ножен клинок — заставлял отводить глаза. Никто не смел встретиться с ним взглядом.

В сердцах заклинателей промелькнула одна мысль:

«Этот человек непрост!»

И никто из них не догадывался, что под серебряной маской лицо Янь Жунъи уже покрылось холодным потом.

Чем ближе они подходили к центру арены, тем губительнее становилось давление духовных волн. Его разрушенное тело, словно вылепленное из сухой глины, вот-вот готово было рассыпаться в прах.

Снова подавив подступившую к горлу кровь, Янь Жунъи невесело усмехнулся про себя: если он не сдюжит прямо сейчас, то отправится вслед за предыдущими восемью попаданцами!

<http://bllate.org/book/20430/2131218>